

Post scriptum: переводы, рецензии, мнения

Мнение

*Post scriptum: Translations, Reviews, Opinions /
Post scriptum: Übersetzungen, Rezensionen, Meinungen*

Opinion / Meinung

УДК 140.8(47)

Грановский В.В.

Демократия, западничество и патриотизм в «оптике экзистенциального рассмотрения» (ответ профессору А.С. Стрельцову)

Грановский Виктор Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

E-mail: philosophus@rambler.ru

Статья представляет собой развёрнутое возражение на группу тезисов, адресованную автору редактором университетского альманаха, освещающего проблемы национального самосознания и патриотического воспитания. Автор исследует влияние теории демократии и концептов западничества (темы, затронутые оппонентом) на русский патриотизм и его социально-философское осмысление. В статье проиллюстрирована тесная взаимосвязь славянофильства и западничества как фундаментальных для России идейно-культурных феноменов.

Ключевые слова: славянофильство, западничество, христианство, демократия, патриотизм, русская религиозная философия.

Прикрытое платонизмом поклонение России, как факту и силе, есть сотворение себе кумира. Это серьёзная помеха на пути мужественного осознания великих задач России, великих идеалов, к осуществлению которых она призвана, на пути созидания новой лучшей России.

Н.А. Бердяев [*Бердяев 2004, с. 78*]

В своей предшествующей статье [*Грановский 2014*] я в самом общем виде попытался обозначить то, что, по моему мнению, отличает (вплоть до типологического несходства) русскую религиозную мысль XX века от популярной патриотической идеологии наших дней. Первой свойственен христианский принцип отношения к человеческой личности как главной бытийной ценности и приоритет системы нравственных мер, происходящей из христианской морали, над «твёрдыми телами истории» — прежде всего над любыми антиперсоналистскими государственными формами. Для второй, напротив, характерно откровенное приращение (в пределе — полное стирание) индивидуальных ценностей во имя утверждения коллективных, особенно в этатизме имперского и квазиимперского образца, — наиболее «ударное» теперь в России в разных версиях неомонархизма и мистического сталинизма; также примат «витальной силы» над духовностью в «почвенных» концепциях открыто секулярного или скрыто языческого толка.

Мои соображения вызвали встречные размышления профессора философии Калужского университета Анатолия Степановича Стрельцова [*Стрельцов 2014*] — куратора очередной, посвящённой теме русского патриотизма, «заочной конференции» [*Стрельцов 2014, с. 42*].

Я был несколько удивлён, что уважаемый профессор счёл тот образ русского патриотизма, который увиделся ему за сказанным мною, «глянцевым» [*Стрельцов 2014, с. 42*]. Признаться, я менее всего хотел что-то *приглаживать и лакировать* в рассматриваемых мною концепциях. Это могло не вполне удалиться, но реалии идейного развития наших дней применительно к патриотизму я по мере своих сил стремился показать так, как они есть. При этом цель моей статьи была больше обзорная, нежели полемическая, хотя элементы оспаривания тех взглядов на русский патриотизм, ко-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. Демократия, западничество и патриотизм в «оптике экзистенциального рассмотрения»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

торые я лично нахожу вопиюще чуждыми религиозной мысли, в ней тоже присутствуют. Но я старался обосновать свою позицию суждениями русских философов, чьи взгляды на судьбу России, видимо, ещё и сегодня выглядят внутри «традиционного» патриотического пространства довольно-таки нестандартно. Возможно, именно поэтому калужский профессор расценил мою не вписывающуюся сюда позицию, как нечто чуждое, и отчуждение это вложил в приписанную мне установку *методологического западничества*.

Обратное требование *методологического почвенничества* в деле исследования патриотического сознания высказано профессором Стрельцовым, по-моему, совершенно уместно. Я почти уверен, что для того, чтобы изучать русскую мысль и русскую жизнь поистине плодотворно, лучше всё же любить Россию, нежели не любить. Но «любить» ещё не значит непременно в любом случае произносить «слова любви». И простая привязанность к Родине ещё не всегда делает того или иного воспитанника Родины сознательным патриотом. Думаю, что исследования в области русской мысли могут способствовать пробуждению *сознательности* русского патриотизма. Но при такой работе следует быть готовым к нелицеприятным выводам, всегда «грозящим» нам при непредвзятом самоизучении. И тогда уж придётся принимать умом и сердцем, как я написал [*Грановский 2014, с. 39*], «горькие диагнозы», когда-то выписанные нам и нашей стране самой историей русской мысли. И нужно будет научиться отличать жёсткость любящего обличения от упомянутого профессором Стрельцовым «прямолинейного русофобского историцизма» [*Стрельцов 2014, с. 40*].

Когда человек высокомерно-презрительно отзывается о родной стороне, начиная с её языка¹, за этим, конечно, тоже

¹ Ср.: «Русский язык и так длинный. Это вообще его большой недостаток. Вы заметили, что английский просто гораздо короче?» [*Латынина 2014*].

стоит какое-то сложившееся мировоззрение и опыт жизни в России. Хотя всё же относительно легко заметить, как неблагоприятно для русского самопознания свойственное до сих пор неким внутрироссийским группам экстремальное западничество, осыпающее нашу Родину циничными, но в общем низкопробными упрёками в неправильной «матрице», авторитарном синдроме и прочих неспособностях результативно имитировать «передовой мир». Гораздо труднее сегодня, мне кажется, расчувствовать заблуждения, таящиеся за пафосным слогом патриотической агитации.

Именно этот фон диктует нам теоретическую задачу выяснить (и, может быть, в условиях меняющегося существования *выяснять постоянно*), на какую почву нам следует опираться. Будет ли этой почвой богатство содержания нашей религиозной мысли, далеко не всегда сочувственных к интуициям патриотизма, ибо и там, увы, не всё «без греха». Или же это будет, как писал при зарождении евразийства Георгий Флоровский, принятое за аксиому «кровяное почвенничество» [*Флоровский 1998, с. 343*], слепотствующее в различении истинных и ложных сил национального духа.

В одном месте своей статьи профессор Стрельцов ссылается на Владимира Соловьёва, говорившего о религиозном призвании русского народа [*Стрельцов 2014, с. 46–47*]. Я, между тем, обращаюсь к русской религиозной мысли XX века, целиком выросшей из Владимира Соловьёва и пришедшей к выводу, что это призвание оказалось для русского человека соблазном и невыполненным заветом; более того, оно было забыто и отброшено нашим народом в революционном угаре ради вполне атеистических химер, чему главным доказательством — жуткие расправы с православным духовенством и иные явленные ужасы революционного варварства. И статья моя обращает внимание на тот факт, что как раз эти поводы предпочитает не замечать и сторонится исследовать нынешняя «патриотика», снова вещающая о светлом призвании русского народа в таком тоне, будто в 1917 году с «душой России» ничего не случилось, — да ещё берущая на себя не отведённое ей право судить западный мир за его грехи и исторические соблазны. Ходить за подтверждением моих слов далеко не нужно — достаточно «открыть» Проханова и «включить» Кургиняна.

Во введении к «Русской доктрине», разработанной протоидеологами Изборского клуба ещё в 2007 г., в подглаве с характерным названием «Стягивание смыслократии», прописан очередной извод русского мессианства:

«Мы вступаем в век... когда Россия укажет всему миру на объективные корни мирового зла и подскажет, как обща можно ему противостоять. Россия была призвана и до сих пор остаётся призванной к нравственной гегемонии, ...она... станет авторитетом для других цивилизаций» [*Русская доктрина 2007.а*].

Это мессианство обосновано не только этико-политически, но и образно-теологически: по убеждению авторов, «Россия может создать — обязательно создаст — свою жемчужину, которая единственная представляет ценность для небесного Купца». «Выковыивать» этот аксиологический приоритет мирового «руссизма» предстоит, однако, как пишут авторы, в «усилиях самозащиты» России от недружественного ей внешнего мира [*Русская доктрина 2007.а*].

Причём такая декларация предваряет все последующие параграфы о характере русского народа, русском «макросе государственности», «русской сыворотке против медиатерроризма», даже о «сетевой Святой Руси» [*Русская доктрина 2007.6*]. То есть это, конечно, не попытка ответить на вопрос: «Кто мы?», а изначально предзаданный и далее предлагаемый в инвариантах ответ на него. Нетрудно вычитать из этого проекта обещающую развернуться фабулу новой рус-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. Демократия, западничество и патриотизм в «оптике экзистенциального рассмотрения»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СРЕЛЬЦОВУ)

ской «мобилизации» в кольце окружающих врагов и очередное «третьеримство». Так что знаменитые строки стихотворения Владимира Соловьёва напрашиваются сами собой:

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.

«Бесконечно тяжело, — писал Г.П. Федотов в 1932 г., наблюдая ту же тенденцию в ряде эмигрантских течений, — что наше национальное возрождение хотят начинать, вместо плача Иеремии, с гордой проповеди Филофея» [Федотов 2013, т. 6, с. 12].

И вот, когда прохановы записывают себя в филофеи, весьма трудно принять заверения профессора Стрельцова в том, что для низовой патриотики сталинизм — явление «эмоциональное» и «местечковое» [Стрельцов 2014, с. 48]. Нет, это явление идеологически проработанное и магистральное.

Вот каково, например, историософское кредо главного редактора видного православно-патриотического Интернет-ресурса: «Вопрос о Сталине сегодня — это вопрос о смысле нашей истории, вопрос о преемственности нашей истории» [Степанов 2013.а]. «По большому счёту речь должна идти о примирении Царя Николая и Иосифа Сталина, о понимании того общего великого дела, которое по-разному делали эти два великих творца нашей истории» [Степанов 2013.б]. «Поэтому каждый русский православный человек, почитающий святого Государя, должен с уважением относиться и к Сталину» [Степанов 2013.в].

На той же «Русской народной линии» в пользу сталинизма как фундаментальной на сегодняшний день русской идеи регулярно высказывается московский священник Александр Шумский:

«Александр Невский! Сталин! Достоевский! Вот такую речёвку я предлагаю использовать нашим болельщикам на предстоящих больших футбольных, и не только, состязаниях, например, на ближайших олимпиадах в Лондоне и Сочи... Согласитесь, три имени, вынесенные мной в заголовок статьи, вмещают в себя почти всю русскую историю. Здесь и великий благоверный князь, явившийся ферментом будущей Империи Русских, и великий вождь, отстоявший эту Империю в самой тяжёлой войне, и величайший русский писатель, пророчествовавший Русскую имперскую Победу. Возможно, эта речёвка войдёт не только в обиход спортивных болельщиков, но и послужит для создания столь желанной русской имперской идеологии. Ведь идеология — вещь, которая должна быть понятна всем: от простолюдина до академика. Так почему же не начать ей своё распространение в общественном сознании со спортивных трибун?» [Шумский 2012].

«Плач Иеремии», о котором писал мыслитель Федотов, во всех этих проектах, доктринах и «речёвках» не звучит ни единой нотой. Как и вообще мотив покаяния, столь важный в рассуждении русских дел после революции для религиозно-философской эмиграции². И везде в сказанном, говоря словами того же Федотова, христианская идея жертвенного спасения

² И очень мало важный для пользы русского самопонимания в глазах нынешних делателей патриотического лица, сожалеющих о «незаслуженном растоптании коммунистических святынь»: «Мне кажется, что наша страна давно покаялась... До какой степени нам нужно ещё каяться? Требуется рассыпаться в прах и пепел? Мы не можем физически все умереть и создать на освободившемся пространстве другую нацию. То, что могли, мы сделали. Будьте добры, примите как есть» [Прилепин 2014, с. 3].

подменяется российско-советским империализмом [Федотов 2013, т. 6, с. 10].

Профессор Стрельцов недоумевает, почему такая важная тема, как патриотизм, сводится у нас к этатизму. Но это недоумение я предложил бы ему обратить, собственно, к тем патриотическим застрельщикам, которые промышляют подобными редукциями. Впрочем, процитировав Бердяева, говорившего о придавленности в России личности государством, профессор Стрельцов сам же и пишет [Стрельцов 2014, с. 47], фактически отвечая на свой вопрос, что о размышлениях философа «патриотическая масса» осведомлена мало. Но, сверяясь со своими «русскими доктринами», «изборцы» и другие пифии постсоветского патриотизма, конечно, и не могут быть озабочены этим «информационным поводом» по определению.

Когда-то духовный мыслитель Сербии, преп. Иустин (Попович), говорил об «оглохшей сербской душе. Оглохшей от политики, от иностранщины...» [Николай Жичский 2013, с. 38]. Уже какое десятилетие подряд мы в России оглушены тем же самым. Но эта «заглушка» будет только крепче, если вместо тяжёлого труда по *идейному* преодолению политизированного узкомыслия и западнических крайностей (вряд ли возможного без отделения зёрен от плевел в концептуальных пластах русского «европейства») мы в очередной раз успокоимся на простой констатации российской самобытности. Самодовольство наших оппонентов не должно наполнять нас ответным самодовольством. И лишь в контексте мировой мысли русское идейное наследие сможет обрести истинную «актуальность и архиактуальность» [Стрельцов 2014, с. 49]. Элиминировать этот контекст не только вычурно, но и попросту неосуществимо.

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СРЕЛЬЦОВУ)

Вот ведь и сам профессор Стрельцов предлагает воспринимать русскую мысль в «оптике экзистенциального рассмотрения» [Стрельцов 2014, с. 45]. И это показательно. Поскольку, хотя предложенная профессором «оптика» и «наша современная», само устройство её окуляра остаётся в той или иной мере заёмным. Что ни говори, а ведь сам по себе концепт «экзистенциальности», «экзистенции» слишком западного происхождения, и введшие его в нашу философию Бердяев и Шестов черпали из теоретического наследия всё той же Европы. Стало быть, радикального не-контакта с Западом даже на поле отдельно взятого историко-философского сопоставления достичь не удастся.

Два стержневых утверждения профессора Стрельцова, которые я не могу принять в свой адрес категорически. Во-первых, это совершенно голословное приписывание мне идеи, будто само по себе наличие в России патриотизма целиком и полностью определяется развитием в нашем Отечестве демократических институтов западного типа. Во-вторых, присвоение мне путём некорректного цитирования моего текста мысли, в соответствии с которой я считаю, что наследие российской религиозной философии якобы не несёт в себе ровно ничего фундаментального для российского патриотизма.

«В общем, установка автора вполне традиционна: у нас мало демократии и нужно её развивать, чтобы прийти к какому-нибудь патриотизму» [Стрельцов 2014, с. 42]. Именно так характеризует общий посыл моей статьи профессор Калужского университета. Но счесть данное утверждение соответствующим её смыслу я никак не могу. Просто-напросто потому, что в своём тексте я нигде не сетую на то, что «у нас мало демократии». Выдержек, подтверждающих обратное, профессор Стрельцов в разборе моей статьи не привёл, предпочитая в данном случае руководствоваться лишь предположениями, выдаваемыми за достоверный факт.

Непосредственно и в производных вариантах слово «демократия» в моей статье размером в печатный лист встречается всего несколько раз. В первом случае [Грановский 2014, с. 20] говорится о «социал-демократической», или «этической», линии в советском марксизме, то есть о направлении, переставшем, вопреки «научному коммунизму», педалировать тему классово-борьбы в годы поздней «перестройки». Во втором случае [Грановский 2014, с. 21] приводится цитата современного политолога, критикующая антигосударственно-сепаратистские взгляды «сахаровской социал-демократической оппозиции». В третьем случае [Грановский 2014, с. 28] сообщается, как удивил российских демократов-эмигрантов (собственно, кадетов) их лидер Павел Милюков, когда после 1942 г. стал восхищаться государственной политикой Сталина (цитируется писатель Роман Гуль). В четвёртом случае «демократия» встречается у меня в цитате Р.А. Гальцевой [Грановский 2014, с. 31], где слово это, взятое в кавычки, указывает на несоответствие его аутентичного смысла псевдodemократическим практикам российской власти.

Все эти примеры конкретного словоупотребления, по крайней мере три из которых относятся не к выражению личных взглядов автора статьи, а к чужим цитатам в ней, говорят лишь в пользу того, что в тексте, очевидно, присутствует некий обзор мнений по поводу демократии и отдельных демократов, но несколько не свидетельствуют о якобы производимой мною апологии демократического режима. Думаю, что, следуя столь отстранённому подходу, весьма затруднительно было бы полагать демократию в качестве «методологической матрицы» [Стрельцов 2014, с. 42].

Тем более нигде в написанном мною нельзя прочитать о демократической традиции в качестве решающей патриотической детерминанты, что само по себе, впрочем, ещё не запрещает сделать подобный способ формирования патриотических убеждений предметом специального теоретического анализа.

Правда, слово «демократия», употребляемое в очевидно положительном ключе, присутствует у меня в небольшой выдержке из работы А.С. Панарина «Реванш истории». Но в данном случае речь идёт о демократии отнюдь не западной, а почвенно-русской, которая в XX веке, к её трагедии, едва начав развиваться, оказалась абсолютно неудобоваримой вначале для тоталитарного коммунизма, а потом и для «богемного» неокapитализма.

Панарин пишет, что «архетипы народного сознания» отличались «значительной близостью» к «народному капитализму». «Демократия свободы», свойственная «традиционному "крепкому хозяину", "кулаку"», с точки зрения Панарина, «весьма далека от леволиберального духа» [Панарин 2005, с. 243].

Панарин в своём тексте видит серьёзным историческим затруднением России то, что в XX веке в нашей стране восторжествовал не *народный*, а *номенклатурный* капитализм (90-е годы явились только стадией в развитии последнего — эпохой так называемой «номенклатурной приватизации» [Панарин 2005, с. 245]).

И завершает Панарин свою подглаву «Политический потенциал идеи народного капитализма» упреждающим выводом: «Консервативно-романтическая идея "почвы" должна быть просветлена и рационализована концепцией "экономической почвы", без чего пафос великодержавности и пафос справедливости могут выродиться в очередную демагогию. Народный капитализм как раз и является воплощением здоровой экономической почвы, питающей и державную, и социальную идеи» [Панарин 2005, с. 251].

Странно, что своё замечание: «С нашей точки зрения, квин[т]эссенцией идеологии патриотизма А.С. Панарина является идея собирания России...» [Стрельцов 2014, с. 52] — профессор Стрельцов выписывает как противоречащее моему изложению панаринских взглядов. Я лишь конкретизирую, какой способ «собирания» нашего Отечества покойный Александр Сергеевич считал перспективным и продуктивным. И если профессор Стрельцов относит себя к категори-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СРЕЛЬЦОВУ)

ским противникам вообще какой бы то ни было демократии в России, то ему волей-неволей придётся обнаружить себя в числе панаринских оппонентов.

Другое замечание по моей статье сформулировано у профессора Стрельцова следующим образом: «Что мы имеем и что можно предложить в качестве духовного фундамента русского патриотизма для самосознания российского общества? По мнению В. Грановского, ничего, ибо всё, что было разработано в истории России, сегодня не выдерживает его (Грановского) критики» [Стрельцов 2014, с. 49–50].

Если поверить приведённым словам, то получится, что профессор Стрельцов приписывает мне настоящий *методологический нигилизм*. Но, мне кажется, нет ни малейших возможностей поверить в то, что вообще какой бы то ни было исследователь русского патриотизма (а не только «В. Грановский»), обосновывая свою, даже предельно негативную, по отношению к русским идейным успехам позицию, смог бы в действительности отбросить *весь* массив разработанного «в истории России».

И я счёл бы эту экзотическую гиперболу профессора Стрельцова всего лишь казусным полемическим преувеличением, если бы «основание» для этого вывода калужский философ не «получил» из моей цитаты, купированной им самым несолидным образом. «Ясно одно, — цитирует меня профессор Стрельцов, — привлекать русскую религиозную мысль в качестве актуального мерилла сегодняшних российских (и мировых) событий и неправильно, и вряд ли возможно» [Стрельцов 2014, с. 50] — и на этих словах обрывает цитату, полностью искажая смысл мною сказанного. Цитату необходимо докончить: «...обходя исследовательским взглядом тему большевизма-коммунизма — если не всегда центральную, то наиболее заострённую нравственно-исторически почти у всех крупнейших русских философов минувшего века» [Грановский 2014, с. 38], — и в этом случае ясно, что я вовсе не склонен делать то нелепое глобальное обобщение, которое приусвоено моему тексту.

Что же получается на самом деле? То и только то, что, по моему мнению, без анализа такой темы, как Октябрьская революция и её последствия, которая для русской религиозной философии XX столетия являлась (с малыми оговорками) перво-степенно-значимой, понять нашу (в первую очередь российскую) действительность мы будем просто не в состоянии.

Профессор Стрельцов прошёл мимо данного тезиса, который я лично считаю одной из основных идей своей статьи, причём именно отсюда я вывожу и другое своё утверждение, согласно которому, именно из-за превратной подачи темы о большевизме в популярной российской патриотике наших дней крайне затруднено (до невозможности встретиться) её результативное контактирование с наследием русской религиозной философии. То, что мой оппонент не обратил на это по существу никакого внимания, сосредоточившись лишь на мимоходом затронутой мною теме «консервативного антизападничества» и на практически совсем не затронутой мною теме демократии, видимо, и позволило ему представить мои соображения в несоответствующем виде и перевести спровоцированную дискуссию в иное русло.

Вряд ли есть смысл отрицать известную резонность критики демократии, которая была высказана в истории мировой мысли философами, перечисленными профессором Стрельцовым [Стрельцов 2014, с. 44], — Платоном, Ницше и Конст. Леонтьевым. Я бы хотел, однако, обратить внимание в данной критике на отдельные моменты, присутствие которых освобождает демократию (или её характерные признаки) от той тотальной дискредитации, которая в наши дни нагнетается патриотическими идеологами.

Так, открыв Платона, мы, конечно, встретим у него критику демократии не только точную и резкую, но и очень современную. Действительно, читая следующие строки в VIII книге «Государства», трудно отделаться от впечатления, что они написаны не в наши «лихие девяностые», а вообще «до нашей эры»:

«Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведётся встать дурным виночерпием, государство это сверх должного опьяняется победой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы...» (562d) [Платон, т. 3, с. 350].

У Платона демократия и ослабленность патриотического чувства, доходящая до его полного отмирания, представлены в самой тесной связи через иносказательное определение демократии как власти лотофагов (560c) — сказочного племени, употреблявшего в пищу лотос, съев который, чужеземцы лишались памяти о своей родине [Платон, т. 3, с. 348, 587].

И всё же сама по себе экстраполяция этих платоновских антидемократических инвектив на весьма, увы, адекватную им нашу недавнюю современность, при всей публицистической выигрышности такого обращения с материалом «вечной мудрости», не обнаруживает в платоновской критике демократии её тонких черт.

Ведь Платон, несмотря на сказанное, характеризует демократический строй, тем не менее, как «приятный и разнообразный» (558c), напоминающий собою пёстрый ковёр (557e). Правда, этический характер этого строя, безусловно, сомнителен для Платона: по его мнению, демократия свойственна тем, у кого «акрополь души пуст» (560b). Таким людям и в самом деле предоставлены демократией широкие возможности любых, даже противных друг другу, вожделений — им удобно предаваться последовательно и пьянству, и посту, и лени, и философии, и войне, и «бизнесу» (см. 561d). И всё же, не поощряя эту нестеснительную «горизонтальность» «демократического человека» и эту формально «полную сво-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

боду и откровенность и возможность делать что хочешь» (557b), Платон выносит категорически отрицательный вердикт не столько демократии как таковой, сколько её *неустойчивости*, ведущей к гораздо более плачевным реалиям, нежели описанные демократические. Самый негативный фактор демократического правления, по Платону, заключается в том, что «из этого правления, такого прекрасного и по-юношески дерзкого» (563e), особенно если нет власти законов (563d), вполне естественным образом вырастает тирания [Платон, т. 3, с. 343–345, 347–348, 352].

Сам Платон, как известно, предлагал отвлечь (или превзойти) как демократию, так и тиранию посредством установления в рамках идеального города формы, отвечающей требованиям абсолютной справедливости. Но уже по образному выражению Аристотеля, концепция такого государства оказалась попыткой заменить симфонию многообразия в общественном союзе унисоном или же ритм многокачественного общежития одним тактом («Политика». II (B), II 9. 1263b35) [Аристотель, т. 4, с. 412].

Для русских же религиозных мыслителей неприемлемость этого государственного абсолютизма может быть объяснена, как пишет сегодня английская исследовательница, «причиной расхождения мысли Платона с их метафизическим идеализмом», «тем, что представлениям греческого философа о государстве и социальных отношениях не хватало нравственного фундамента, а это могло привести к пренебрежению "индивидуальным принципом"» [Незеркотт 2011, с. 166–167].

Если использовать выражения из моей статьи, подвергшейся критике профессора Стрельцова, то выйдет, что — из-за того самого этатизма, который изначально был враждебен христиански-персоналистскому принципу русской религиозной мысли.

«Республика у Платона была тоталитарным государством, — писал, например, Николай Бердяев. — Это государство было абсолютным и отрицало всякую независимость и свободу человеческой личности. Оно было разом и прообразом средневековой теократии, и прообразом современного тоталитарного государства и государства коммунистического» [Бердяев 1995, с. 85]. Сущность же такого государства, по Бердяеву, в том, что оно «само хочет быть церковью, организовывать души людей, господствовать над душами, над совестью и мыслью и не оставляет места для свободы духа, для сферы "царства Божия"» [Бердяев 1995, с. 84]. У современных идеологов государственного патриотизма концепт «государства-церкви» давно приобрёл противоположные бердяевским позитивные коннотации.

Но надо сказать, что за все столетия, прошедшие после Платона, социальными философами была в достаточной степени учтена проведённая им критика хрупкости демократической «технологии», и новоевропейская концепция правового строя (та самая «власть законов»), включающая в себя и русские традиции либерально-демократического мышления, может быть расценена как серьёзная корректировка старого демократического идеала (хотя при всех оговорках и новые варианты демократии не чужды по замыслу аристотелевской политики и отчасти даже платоновской тимархии).

С точки зрения проповедуемого им оригинально-скандального элитизма развивает свою критику демократии Фридрих Ницше. Так, в сочинении «По ту сторону добра и зла» «демократический порядок вещей» определяется немецким философом как результат «кровосмесительства господ и рабов». Но экстравагантность этого, мягко скажем, не слишком позитивного демократического контекста, тем не менее, скрывает под собой неоднозначную оценку. Дело в том, что положительной чертой названного «порядка вещей» является, даже при подавлении его атавизмом рабства — тщеславием, широкий разлив внутри общества самосознания истинных господ, их «редкого стремления устанавливать самим себе цену и "хорошо думать" о себе» [Ницше 1997а, с. 230–231]. И вообще сам процесс, как выражается Ницше, «взаимоуподобления европейцев», то есть усиливаемое демократизацией рассеивание национальной уникальности, хотя в общем и ведёт Европу «к посредственности», создаёт в то же время условия, благоприятствующие «появлению исключительных людей» [Ницше 1997.а, с. 202].

В работе «Человеческое, слишком человеческое» (афоризм 450) [Ницше 1997.б, с. 255] Ницше, однако, снисходительно говорит о Бисмарке, введшем в Германии конституционную форму правления, находя в том исторически обусловленный «принцип разумности». Философ считает перспективным (хотя и весьма новым, и слишком длительно укореняющимся) такой тип отношений между народом и правительством, когда последнее есть «орган» первого, а не традиционная сила «верха», господствующая над слабостью «низа». Чуть далее (афоризм 463) [Ницше 1997.б, с. 262] Ницше выступает по отношению к государственной власти апологетом умеренного реформаторства в духе Вольтера против руссоистского «безумия» и «полуобмана» «в учении о перевороте», дегармонизирующем общество варварскими энергиями и, что особенно важно для эстета Ницше, глубоко «антихудожественном».

Интересно отметить, что для возвращения Европы к её аристократическим истокам и устоям, в том числе для выхода её из состояния национальной аморфности, Ницше находит полезным и едва ли не самонужнейшим иудейский элемент. Именно иудейство, убеждён Ницше, должно помочь «возвратной победе западного начала», так как оно, предлагая «немифическое объяснение мира», «соединяет нас с просвещением греко-римской античности» [Ницше 1997.б, с. 273]. Аристократизм самого еврейского народа определяется, по Ницше, тем, что «ему мы обязаны самым благородным человеком (Христом), самым чистым мудрецом (Спинозой), самой могущественной книгой и самым влиятельным нравственным законом в мире» [Ницше 1997.б, с. 272]. Духовная независимость, которую сумели отстоять в Европе для себя лично

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

представители еврейского народа, стала залогом укрепления и противостояния индивидуалистической Европы надвигающейся на неё безликой Азии.

Получается, что и демократия, и не чуждый ей конституционный строй в глазах Ницше имеют кое-какие привлекательные или во всяком случае исторически терпимые стороны, между тем как нынешние поборники постсоветского патриотизма удостаивают всё это разве что жирным вычёркиванием из мировой практики. И, право, панегирик, пропетый юдаизму поборником нового германства, с трудом можно представить себе сегодня в печатном органе ходовой российской патриотики не только ввиду её более либо менее откровенного антисемитизма, но и по причине превосходящего ницшеанский скепсис проклинаяще-незаинтересованного подхода к судьбам Запада.

Наконец, применительно к нашей общей теме о патриотизме полезно вспомнить, что Ницше, ища исхода за пределы осточертевшего ему «доброевропейства», о проявлениях национального самосознания склонен отзываться довольно презрительно, временами желчно называя это чувство «патриотическим нудом» или «атавистическими припадками патриотщины» [Ницше 1997, а, с. 200]. Лично я думаю, что антидемократизм, идущий тандемом с подобным, пусть даже отчасти провокативным, антипатриотизмом вряд ли может быть близок российскому философу, более романтических грёз гениального чужестранца о «высших экземплярах человеческого рода» любящему всё-таки и сердечно, и как предмет исследования своё Отечество.

Завуалированную похвалу демократии мы можем разглядеть даже у Константина Леонтьева. Безусловно, наш мыслитель подчёркивает, что демократия благоприятна и, главное, органична не всем народам, но вот, например, «Афины... в цветущий период выработали свойственную им государственную форму» демократической республики, которая сильно реабилитирована в глазах Леонтьева тем, что ей присущи рабовладение, наличие цензовых слоёв (или «деспотизм сословный» и «наклонность к диктатуре» [Леонтьев 1993, с. 81, 80]. «Естественные залого» такой демократии, по Леонтьеву, «хранились в самих нравах и обстоятельствах» истории античных полисов, хотя ему лично ближе, как он признаётся, «республиканский коммунизм» наподобие спартанского.

Но в целом на порядок рельефнее, чем критика демократии как таковая (да и не столько демократии, сколько итогов новоевропейского либерализма), выражена у Леонтьева апология охранительства. Нацию, пишет он, следует возвращать «к культу создавшей её государственности» [Леонтьев 1993, с. 83], пусть даже и насильственными мерами³. Ибо только это

³ Кстати, прямую зависимость патриотического чувства от модели государственного устройства, которую приписывает мне (в случае с демократией) профессор Стрельцов, легко встретить (в случае с абсолютизмом) как раз у Леонтьева, скажем, в таком пассаже: «Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была моего уважения, и Россию всякую (напр., такую, в которой Градовский и Стасюлевич ограничивали бы власть министров) я могу разве по принуждению выносить...» [Леонтьев 1993, с. 173].

может если не предотвратить, то затормозить «эгалитарный процесс», в котором идея равенства, нивелирующего самобытность разных культур («идеал однообразной простоты», «разложение в однообразие!» [Леонтьев 1993, с. 94, 96]), угнетает Леонтьева гораздо больше, нежели идея личной свободы или гражданского самоуправления.

Впрочем, обязательно надо иметь в виду, что в осуществлении охранительного идеала Леонтьев делал ставку на человека «наивного и покорного авторитетам» [Леонтьев 1993, с. 102], находя его вполне достойной альтернативой, как ему казалось, носящемуся с несбыточной идеей всеобщего благоденствия глуповато-лживому либералу (и умночестному, кстати, тоже). Нельзя забывать, что российское крепостное право, опёртое на помещичий деспотизм, несмотря даже на все его ставшие печально известными эксцессы, не только не вызывало возражений у калужского барина, но понималось им едва ли не как весьма подходящий охранительный принцип общественной жизни.

«Вообще Леонтьев во всех сферах высоко ценил *принудительный* характер отношений, без которого, по его мнению, жизненные формы не могут сохранять своей отдельности и устойчивости... В своём презрении к чистой этике и в своём культе самоутверждающейся силы и красоты Леонтьев предвосхитил многие мысли Ницше, вдвойне парадоксальные под пером афонского послушника и оптинского монаха» [Соловьёв 1990, т. 2, с. 417].

В таких выражениях описывал причудливое мирозерцание своего талантливый современник философ Владимир Соловьёв.

А, например, писатель Н.С. Лесков отозвался о его неистовом антизападничестве следующим образом:

«Если г. Леонтьев ненавидит современную Европу, то это, конечно, его личное дело, но он не может указать основания считать еретиком всякого, кто не разделяет такой широкой и многообъемлющей его ненависти» [Позанов, Леонтьев 2014, с.460].

Кстати, если действительно желать вместе с Леонтьевым дистанцироваться от презренного «европеизма», то надо знать, что спасение от западного прогресса, которого может достичь Россия, обещает быть найдено, по Леонтьеву, не столько в её, России, самобытных началах, сколько на инокультурном и неправославном Востоке — едва ли не в «со-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

единении китайской государственности с индийской религиозностью», подчиняющем себе европейский социализм и «расслаивающем общество на *новые горизонтальные слои*» [Леонтьев 1993, с. 147].

Отсюда, конечно, нетрудно проложить дорогу к евразийству и разным видам национал-большевизма всё с теми же идеями этатизма и противозападной изоляции «крепости Россия», которые до сих пор определяют моду патриотических убеждений, — но весьма затруднительно — к магистральным путям русской религиозной философии.

Подытоживая сказанное, надо сделать вывод, что если мы расположены вслед за профессором Стрельцовым принимать классическую критику демократии, высказанную Платоном, Ницше и Леонтьевым, то принимать её придётся, по крайней мере, с учётом означенных выше нюансов. Нюансы же эти состоят в том, что либо в демократии самой по себе при всех её теоретических недоработках и практических недостатках для всех указанных авторов присутствует некое зерно истины, и значит, категорически отвергать на основании их умозаключений этот общественный опыт в России необязательно; либо критика демократии ведётся здесь с позиций такого альтернативного идеала, который, с патриотической точки зрения, сохраняющей необходимым пунктом свободу личности и гарантию её прав от государственного произвола (против чего, кажется, не возражает и профессор Стрельцов), зачастую совсем не выглядит превосходящим предмета критики.

Но в любом случае странно после изложенного читать безапелляционное заявление профессора философии, «что западная политическая идеология “демократического общества” выработана не философами, а политологами в интересах политических партий» [Стрельцов 2014, с. 44]. Это ведь, собственно, элементарное обвинение в партийности, ничего не объясняющее в теории демократии по существу и указанием на мнимо-неблагородное происхождение данной теории полагающее фактически ненужным само это занятие. Можно, конечно, записать Гоббса и Локка, Монтескье и Руссо и других отцов Просвещения, инициировавших философское оснащение демократической идеи, в разряд банальных политтехнологов, игнорировать освящённую авторитетом Гегеля консервативно-либеральную мысль XIX века (как на Западе, так и в России) с её концепцией народного представительства, наконец, оставить без внимания разработанный тем же Аристотелем идеал античной «политевмы» (именно его, кстати, ввёл у нас в политическую публицистику А.И. Солженицын под именем «демократии малых пространств»⁴). Но хочется нам того или нет, за обоснованием демократии (а не только за её критикой) стоит

⁴ Ср.: «Демократия малых пространств тем сильна, что она *непосредственная*. Демократия по-настоящему эффективна там, где применимы *народные собрания*, а не представительные. Такие повелись — ещё с Афин и даже раньше... Такое посчастливилось мне наблюдать и в Швейцарии, в кантоне Аппенцель... На городской площади собраны, плотно друг ко другу стоят все имеющие право голоса (“способные носить оружие”, как предлагал и Аристотель)... Народ — решающий судья во всех важных вопросах, но он не может ежедневно присутствовать, чтоб управлять государством. И поэтому в управлении неизбежна примесь аристократического или даже монархического элемента. (То же говорил и Аристотель.)» [Солженицын 1995, т. 1, с. 584—585].

целая традиция мировой мысли, и смехотворно было бы опровергать эту традицию простым указанием на отягощённость её политическими манипуляциями (как и на отвратительный духовно факт легализации современными демократиями однополых браков).

Историко-философские возражения профессора Стрельцова касаются в основном предложенной мною трактовки славянофильства. В данном случае мой оппонент утверждает, что я «свожу идеологию славянофильства только к религиозным интересам», а «она шире» [Стрельцов 2014, с. 44]. Правильнее было бы сказать (и таков, действительно, мой тезис), что религиозная тема является в идейных разработках старших славянофилов *доминирующим критерием* провозглашённого ими размежевания русского и западного мира. Так что я, скорее, не *свожу* славянофильство к «религиозным интересам», а *вывожу* его из них, ни в малейшей мере не отрицая «широты» производимых следствий. Только «широта» эта в итоге обнаруживает предельно иное отношение к Западу, нежели в статье калужского автора.

Прежде чем перейти к конкретным примерам из сочинений славянофилов, полезно отметить, что такой преемственный славянофильству консервативный мыслитель, как Константин Леонтьев, расценивал славянофильскую критику Запада как недостаточную именно ввиду господства в ней религиозного компонента. В одной из своих работ он разочарованно писал о славянофильском кредо: «“Запад гниёт”. Согласен. Но почему же непременно думать, что гниение это выражается только безбожием...», — и далее требовал от своих квази-единомышленников обличительных слов по адресу западного «бессословного строя» и европейской идеи гражданских прав [Леонтьев 1993, с. 294].

Критика западного разложения, действительно, очень высокой нотой звучит у славянофилов, причём в первую очередь в тех самых «религиозных аспектах» [Стрельцов 2014, с. 49], которые представляются второстепенными и профессору Стрельцову, и его земляку Леонтьеву. И это закономерно: ведь данная критика обращена к миру, всё-таки столь же ценному для славянофилов, что и сама Россия. Нетрудно обнаружить, как это представлено в работах тех авторов, которые провозглашаются профессором Стрельцовым «основателями русского менталитета» [Стрельцов 2014, с. 42].

Здесь, кстати, несколько опережая разговор на одну из последующих тем, затронутых в статье калужского профессора, уместно отметить, что настоятельные требования по охранительной части наших национальных достояний (а это главная задача, согласно профессору Стрельцову, философии российского патриотизма) наши славянофильские клас-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

сики высказывали не всегда. К примеру, А.С. Хомяков писал:

«Когда возводится клевета на целую страну, граждане этой страны имеют право за неё заступиться; но столько же они имеют и права промолчать, предоставив времени оправдание их отечества» [Хомяков 1994, т. 2, с. 27].

А вот христианину не исполненная в нужный час «обязанность отвечать на клеветы» в адрес православной церкви всегда, убеждён этот славянофил, ставится в «преступление». Таким образом, задача *конфессиональной апологетики* у Хомякова стоит заметно выше *национально-цивилизационного диалога*.

Значительность для самого Хомякова религиозной темы, равно как и *богословской полемики* с западными вероисповеданиями, видна воочию: скажем, почти весь 2-й том (немалый по объёму) вышедшего в 1994 г. хомяковского собрания (на которое даёт ссылку профессор Стрельцов) заполнен исключительно этими дискуссиями. И в 1-м томе можно найти размышления о расколе славянского мира, связанного с *духовной конкуренцией* в этой ойкумене православия и католицизма, несущего в себе «прелесть» (то есть прельщение) «стихии аристократической» [Хомяков 1994, т. 1, с. 491]. Причём соблазну аристократизма (некой вероучительной гордыни), рассказывает Хомяков англиканину В. Пальмеру, подвержены также и греки (и тем они отличаются от Святой Руси), но твёрдое знание ими православной доктрины гарантирует их от неправославного уклонения, читай от повторного католицизма [Хомяков 1994, т. 2, с. 29].

Для Константина Аксакова главное отличие российской истории от западной состоит в православии русского народа («наша русская жизнь верою православной основана» [Аксаков 2014, с. 269]), в воспринятых через него христианских качествах (прежде всего, в глубочайшем смирении перед волей Божьей) и если не в совершенном воплощении христианского идеала в жизни, то, по меньшей мере, в сознательном стремлении к тому [Аксаков 2014, с. 113–114]. Иными словами, Россия и Европа противопоставляются Аксаковым с точки зрения *религиозно-этической*.

Также совершенно однозначно говорил о религиозном характере русско-европейской оппозиции Ю.Ф. Самарин:

«...нет ничего нелепого в противопоставлении цивилизации западноевропейской, или католико-протестантской, цивилизации православно-русской...» [Самарин 2013, т. 1, с. 350].

И современный исследователь пишет:

«Только тех, кто безоговорочно принимал идею единства, неразрывности православия и русского народа, Самарин относил к славянофилам, поскольку видел в этой идее основу славянофильского мировоззрения. Таким образом, в самаринской иерархии духовных ценностей религиозное начало занимает первенствующее место по сравнению с этическим, национальным» [Пивоваров 2013, с. 18].

Иван Киреевский критикует западное мышление за его чрезмерную абстрактность, за формализм, который восторжествовал в общественной жизни Запада. Но устройство западного общества на отвлечённых началах связано в первую очередь с длительным господством в нём перенявшей от языческого Рима и утвердившей этот формализм католической церкви. Киреевский уверен, что склонность к «наружно-логическому мышлению» [Киреевский 1979, с. 310] и папское властолюбие духовно подорвали западный мир и приведут его в конце концов к духовному истощению, если не к вырождению именно в качестве христианского.

Описывать этапный разрыв Запада с Востоком нельзя без религиозных коннотаций. Именно потому, что Запад не сохранил истину христианской религии, хранителем её вынужден был сделаться Восток, однако выполнение религиозной задачи одновременно отняло у него силы для развития общественной образованности.

Разлом христианского мира в изображении Киреевского проходит как двойная оппозиция между наличием (отсутствием) христианского духа и недостатком (избытком) умственного просвещения.

И состояние Запада, и состояние Востока рассматриваются Киреевским как одинаково неидеальные, хотя перспективы Запада видятся ему значительно более сложными в первую очередь ввиду его, Запада, религиозного заблуждения. Впрочем, Киреевский готов прогнозировать какие-то возможности для Запада даже на избранном им ложном (псевдорелигиозном) пути, если (когда) западный мир пройдёт этот неверный путь до конца. В этом случае, полагает мыслитель, «просвещение Запада силою собственного развития уничтожит силу своего иноучения и из ложных убеждений в христианстве [курсив и разрядка мои — В.Г.] перейдёт к безразличным убеждениям философским, возвращающим мир во времена дохристианского мышления» [Киреевский 1979, с. 310].

В специальном примечании о протестантах-славянах Киреевский даже говорит о том [Киреевский 1979, с. 313], что основной проблемой западной образованности является отсутствие стоящего за нею правильного понимания православно-го догмата о Святой Троице. Перефразируя, можно сказать, что коренная нечуткость западных вероисповеданий к православно-го триадологии была и остаётся действующей причиной всех серьёзных разрывов Запада с Востоком. Это уже не просто историософия, а настоящее *богословие истории*: специфику Запада, по Киреевскому, возможно понять и плодотворно преодолеть, только занявшись вплотную теологическими изъяснениями западного христианства.

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)**

Интересно отметить, что Киреевский, несмотря на всю эту критику, отнюдь не занимает позицию антизападнического изоляционизма. Для него драма Запада есть драма общемировая, «ибо судьба всего человечества находится в живой и сочувственной взаимности» [Киреевский 1979, с. 311].

Но тогда, конечно, проблемы западного мира напрямую касаются и нас, России, — ибо мы не *вне* Запада, а волей-неволей *вместе* с ним.

Итоговая религиозно-историческая аллюзия Киреевского — на русский народ, который, быть может, позже прочих вступит в соревнование мировых сил, но с учётом допущенных ими отклонений сумеет, удержав «истинное христианство», дополнить его также «умственной возмужалостью», то есть такую просвещённостью, которая не будет уже оторванной от религиозной доминанты.

Параллель с надеждами западника Чаадаева на позднее свершение мировой судьбы русского народа напрашивается при чтении этого славянофильского текста сама собой, что и неудивительно, если помнить знаменитые слова о «едином сердце», которое било в мыслителях двух противоположных лагерей. Современные антизападники, видимо, не очень любят вспоминать об этом обычном для русских общественников XIX века самоощущении. И если профессора Стрельцова возмущает в моей статье, что «всё более идёт речь с позиции западников» [Стрельцов 2014, с. 44], хотя таких речей в ней вовсе не ведётся, то своё неудовольствие Анатолию Степановичу придётся выразить прежде одному из столпов славянофильства за его слишком явное (при всех констатациях кардинального несходства) сочувствие западному миру.

Но дело в том, что в текстах Киреевского найдётся довольно много реплик, и надо сказать, достаточно резких, произносимых в ответ на антизападнические уколы. Их не избежал, между прочим, даже его единомышленник Хомяков, в обращении к которому читаем:

«Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т.п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какую-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? [с поправкой на статью профессора Стрельцова скажем: трёхсот — В.Г.]» [Киреевский 1979, с. 144].

И далее:

«Ещё менее можно думать, что 1000-летие русское может совершенно уничтожиться от влияния нового европейского» [Киреевский 1979, с. 144].

На той же странице опять сказано про христианство как то для Киреевского «очевидно общее начало», которое «образовало силы народности в России и на Западе», то есть вновь (как и почти всегда) в центре его славянофильских размышлений *религиозная составляющая*, которая, оказывается, может быть взята и как компонент *объединения*, а не одного лишь *размежевания* нас и Запада.

И, хотя цитат из славянофильской классики ещё много, не достаточно ли уже приведённых, чтобы поставить уважаемого профессора, настаивающего на безоговорочно верной «угадке» славянофилами русской души [Стрельцов 2014, с. 42], перед необходимостью признать присущую русским людям западническую тенденцию, со славянофильски-национальной точки зрения, совершенно законной? Как и развеять отчасти его страхи насчёт до сих пор имеющих место в русском обществе западнических влечений и увлечений? Ибо старшие славянофилы, как нетрудно убедиться, говорят о склонности просвещённого русского человека ощущать себя западным европейцем как о вещи совершенно естественной и уместной.

Причём старших славянофилов почти слово в слово повторяет Ф.М. Достоевский в прологе своей «Пушкинской речи»:

«Главное, я обозначил то, что стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно, *в основании своём*, но и народно, совпадало вполне со стремлениями самого духа народного, а в конце концов бесспорно имеет и высшую цель» [Достоевский 2007, т. 9, кн. 2, с. 394—395].

В речи о Пушкине Достоевский обращается к истоку того самого пронизанного западничеством трёхсотлетия, размышлять о котором русский патриот должен, как явствует из статьи калужского профессора, с одним лишь негодованием и скорбью.

И прежде всего, Достоевский говорит о западнических по духу реформах Петра как о грандиозном русском замысле:

«...Пётр несомненно повиновался некоторому затаённому чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм» [Достоевский 2007, т. 9, кн. 2, с. 413].

То есть русское западничество, по Достоевскому, это не только некоторые перенесённые в Россию, вполне очевидные удобства западной жизни, которые профессор Стрельцов перечисляет в своей статье почему-то с подчёркнутым снисхождением («одеваться в европейские одежды, ездить в европейских автомобилях, называть глав городов «мэрами» и делать ещё

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)**

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СРЕЛЬЦОВУ)**

кучу всякого западного "действия"⁵ [Стрельцов 2014, с. 53]), и даже не иронически упомянутое Анатолием Степановичем

⁵ В эту «кучу», столь легко отодвигаемую калужским автором в сторону как нечто само собой разумеющееся (и как бы наличествующее во всегдашнем доступе), я бы включил ещё, к примеру, религиозную толерантность, право свободного гражданского (в том числе патриотического) высказывания и возможность свободного выезда за границу на отдых и для работы. Всех этих удобств мы совсем не так давно были в полной мере лишены. А не случись у нас бум «перестроечного» западничества, вряд ли сегодня мы могли бы читать и публично обсуждать сочинения русских мыслителей-идеалистов, добрая часть которых, вытесненная «железным занавесом», творила опять-таки на Западе.

«цивилизованное европейское сообщество» [Стрельцов 2014, с. 42].

Достоевский, говоря о сути петровских реформ, о квинтэссенции нашего западничества, достигает весьма высокого пафоса:

«...мы... устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому!». «Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное» [Достоевский 2007, т. 9, кн. 2, с. 413].

«Для настоящего русского Европа и удел всякого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что удел наш и есть всемирность...» [Достоевский 2007, т. 9, кн. 2, с. 413].

Это хрестоматийные цитаты буквально с одной и той же страницы, и вновь они недвусмысленно говорят о том, что со стороны почти всех авторитетных для профессора Стрельцова писателей антизападничество как таковое отнюдь не встречает чаемой поддержки.

В итоге мне ничего не остаётся, как признать правоту собственных слов из напечатанной статьи и повторить их: «...культурно-исторический образ России противопоставлялся Западу и в славянофильском романтизме, и в почвенничестве Достоевского с гораздо меньшей и в общем иной экспрессией, нежели та, что звучит лейтмотивом в нынешних патриотических историософемах» [Грановский 2014, с. 34].

Кстати, цитированный нами Александр Сергеевич Панарин после всех русских катастроф XX века рисует для нашей страны вполне ту же славянофильскую перспективу: «России предстоит отстаивать своё право быть Европой», «снабжать новыми аргументами» принципы европейского Просвещения. Назначение России не в «ретроградном изоляционизме»: ей, уверяет Панарин, пристало быть не «государством-островом», но «государством-цивилизацией». Панарин даже называет Россию «Римом, сохраняющим великие интенции европейской цивилизации с её прометеевым духом, с её творческим беспокойством» [Панарин 2005, с. 264–267].

Термины и образы, развиваемые автором в этих цитатах, совершенно очевидно, не враждебны ему своим западным происхождением. Да и в общем виде политологический рецепт Панарина тоже никак не сводится к самоотталкиванию России от Запада. Главную задачу исторического бытия России Панарин обнаруживает не в прямолинейном самоограждении от западного мира (это означало бы как раз выгодную Западу капитуляцию геополитического визави), но в отстаивании нашей страной реальной возможности, при сохранении всех уже воспринятых и подвергнутых творческому усвоению европейских ценностей, соревноваться с Западом, оставаясь его равновесным соперником.

Вообще в панаринском «Реванше истории» есть страницы, как будто написанные классиками славянофильства на современном материале языком актуальной политологии, например:

«Сегодня человечество находится на распутье, во многом предопределённом амбивалентной позицией Запада. На Западе сохраняются импульсы, идущие от Просвещения и глубже — от христианства. Его теории единого индустриального, постиндустриального, информационного общества представляют собой светски превращённую форму христианского универсализма. Но... в последнее время эта цивилизация демонстрирует признаки языческого неверия...» [Панарин 2005, с. 234].

В неославянофильском ключе понимается Панариным и противостояние России и Запада как оппозиция духовной мощи с её религиозно-культурными установками и земной силы с её «безответственным потребительским эгоизмом»:

«У России меньше шансов стать "вторым" или "третьим Римом" (если под "первым Римом" подразумевать современный Запад). Однако народ, подвергшийся натиску превосходящих сил и испытавший себя в роли изгоя "процветающего человечества", может идентифицироваться с другой традицией. Риму может противостоять Иерусалим — прибежище духовности, правды» [Панарин 2005, с. 303, 279].

Пожалуй, единственным славянофильским автором, который близок в своём резком антизападничестве профессору Стрельцову, может быть назван Константин Аксаков.

Но, во-первых, это радикальное антизападничество связывалось философом ещё в его годы с довольно экстравагантными практическими требованиями (вроде вменяемой каждому русскому обязанности одеваться в «русское платье», а мужчинам непременно носить бороду). Ещё Аксаков начисто отрицает искусство, находя его полностью языческим,

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СРЕЛЬЦОВУ)**

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

абсолютно не поддающимся христианизации, а поскольку «католицизм есть христианское язычество» [Аксаков 2014, с. 269], то всё западное искусство для Аксакова как бы культурно анафематствуется (впрочем, крайность этого утверждения не мешала самому Аксакову быть проницательным ценителем словесности, ярким поэтом и блестящим литературным критиком). Аксаков же вполне принципиально выключил себя из текущей общественной жизни за её «греховность» и «еретичество», в чём разошёлся с Хомяковым, более терпимым к её несовершенствам [Аксаков 2014, с. 279]. Вряд ли все эти внутренние антиномии аксаковского духа могут быть для неэскапистского, просвещённого русского патриотизма наших дней вполне вдохновляющим примером.

Во-вторых, даже у Константина Аксакова антизападничество продиктовано не только одним мотивом строгого разделения, но и субъектного равноправия России и западных стран. «Европеизм имеет человеческое значение», пишет он в одном месте, а славянофилы «стоят за общечеловеческое». Западники же в глазах Аксакова те, кто требуют от русских людей жёсткой национальной перелицовки, то есть придают частному моменту западной жизни абсолютное значение. В статье «О русском воззрении» Аксаков говорит о русском народе как ни в чём не уступающем любому другому в Европе, и потому «русский народ... к Европе относится... критически и свободно, принимая от неё лишь то, что может быть общим достоянием...». И хотя Аксаков проговаривает эту тезу сквозь зубы, но всё-таки она произнесена: у России с Западом вполне может быть «общее достояние». И этого совсем не отменяет то, что Константин Аксаков настаивает здесь же на «нашей просвещённой деятельности в отношении к Западной Европе» [Аксаков 2014, с. 148, 153].

Помимо этого, у Аксакова много резких (и даже отчасти справедливых в своей резкости) замечаний о западных привнесениях Петра. «С него я нашу историю не называю русской», — заявляет мыслитель. «Переворот Петра так отшиб у нас память, что весь мир русский до Петра кажется нам потёмками, а между тем... это мир светлый и ясный...», — пишет он И.С. Тургеневу. Пётр ниспровергается Аксаковым за учреждение в России «настоящего деспотизма», который есть, прежде всего, ужасающее «спокойствие совести в деспотизме». Правда, и тут не обойтись без малого контраста: в ранней диссертации Аксакова, по его собственному признанию, «переворот Петра рассмотрен... очень снисходительно» [Аксаков 2014, с. 267, 278, 304, 269].

Но всё-таки, пройдя через исторический опыт XX столетия, невозможно, даже при всех «скидках» на конкретную эпоху, признать проницательным такое суждение абрамцевского анахорета: «...в русском народе нет духа революции. Стоит нам только быть русскими — вот мы и консерваторы» [Аксаков 2014, с. 271].

Кстати, при внимательном чтении моего текста можно заметить, что дифференцированный подход в пространстве русской мысли распространяется мною как раз на консервативный сегмент её. Ибо, как у меня написано, русские консерваторы «при всей своей государственной зоркости и проективности мышления не создали системного антиреволюционного противоядия» [Грановский 2014, с. 36]. Сделанные религиозными философами «начала века» наблюдения, подтверждающие моё мнение, нетрудно найти хотя бы в открывающей сборник статье профессора С.А. Нижникова. В ней содержатся, например, такие характеристики: «русские почвенники были культурные консерваторы» — «они были живым отрицанием *нигилизма*, но они не были его преодолением» (С.Н. Булгаков), гибельным роком консерватизма в России стало присущее ему «тупое реакционерство» (П.Б. Струве), «яд революционизма был выработан в недрах того же консерватизма через его нравственное разложение» (С.Л. Франк) [Нижников 2014, с. 10–12].

Между прочим, Н.А. Бердяев, чьи слова о необходимости преодолеть «детское», «провинциальное» славянофильство (как и западничество) цитирует в предварение своей статьи профессор Стрельцов, ещё в 1915 г. в заметке «Эпигонам славянофильства» предупреждал об опасности «доктринёрского славянофильства», о «националистическом вырождении славянофильства» и «реставрацию славянофильства» расценивал как «реакцию в глубочайшем смысле слова». Русский мыслитель был убеждён:

«После мировой войны противоположение Востока и Запада потеряет своё значение. Россия окончательно войдёт во внутренний круговорот жизни Европы и раскроет для Европы свои великие духовные потенции» [Бердяев 2004, с. 72, 74–75].

Но в собственном смысле именно европеистские чаяния Бердяева о России не оправдались как раз из-за их блокировки всё тем же консервативным антизападничеством — перспектива нашей страны (как и русского патриотизма) предстала, по словам современного наблюдателя, совсем иной:

«...деевропеизированная, утратившая свои имперские корни Империя оказалась *внутренне* нежизнеспособной. И «*славянофильская революция*» (так назовут русские религиозные мыслители роковой процесс) с необходимостью предопределила революцию *окончательную*. После чего Империя надолго перестала существовать... Этнизации России, превращения великой империи в вымышленное, натеоретизированное «Русское царство» могло и не произойти. Превращение это было лишь идеологическим ответом. И торжественная пляска над трупом *европейского* европеизма обернулась похоронами европеизма *русского*. Нарождающегося, быть может, великого будущего нашей страны» [Сендеров 2014, с. 3–4].

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

Несколько выходя за пределы историко-философского обзора, отметим здесь же, что невыученность урока этой консервативной несостоятельности вкупе с ретроградным изоляционизмом может грозить России новыми неудачами, как предполагает, например, директор ИНИОН РАН академик Ю.С. Пивоваров:

«Вы знаете, в России начинают говорить об особости русской тогда, когда почему-то всё более и более реакционным становится внутренний политический курс. Как историк могу заметить. Вот в периоды более либеральные, эмансипационные в России как-то больше говорят о том, что мы часть мира, часть Европы или чего-то ещё... Кстати, это очень интересная метафора — «русский мир». И она имеет право на жизнь... Но есть и опасность, как во всех метафорах. Вообще я очень боюсь, когда начинают говорить о душевных качествах народа, о каком-то коде. Когда говорят о русском мире, это такая, может быть, попытка — немцы это называют *Sonderweg*, но это на всех языках — особый путь, такой изоляционизм, что вот это всегда было, такая вот предельная идентичность. Она не христианская, она не общечеловеческая, она не гуманистическая. А ты прежде всего должен быть как бы верен своему коду, своей матрице, своей традиции. А — подождите секундочку: у человека есть более высокие, например у христианского человека, пределы идентичности его... Я думаю, что «русский мир» сегодня очень удачная идеология... «Русский мир» и может быть попыткой такой русской идеи, куда вольются все евразийские, неославянофильские — все нелиберальные течения. Все, которые говорят об особости, все, которые говорят, что мы не такие, как другие. Я не говорю обязательно, что лучшие... Вот президент сказал о том, что «высшего качества». Даже если без этого. Я хочу сказать, что метафора «русский мир» полезна, может быть, в культурном отношении, но может быть очень опасна в политическом» [Пивоваров 2014]⁶.

⁶ Немного иную вариацию наблюдений русского учёного развивает крупнейший итальянский русист, для которого синонимом демократизма любой, в том числе русской, национальной культуры является её критичность и самокритичность, противостоящая попыткам выпренированной эмансипации от общеевропейского преемства как вычурным и болезненным. Но реставрация советского мироощущения, как убеждён Витторио Страда, и означает как раз автоматическое самоизоляция русского народа от его собственных культурных истоков. Сегодня, как видится итальянскому автору, в нашей стране «всё русское историческое развитие в соответствии с реабилитацией советского периода и, в частности, его сталинской фазы интерпретируется в антиевропейском духе. Согласно этой теории, развитие России идёт по особому пути, так что она представляет собой не имеющую равной себе цивилизацию, якобы духовно превосходящую западную. Будучи исторически сомнительной, эта теория весьма опасна, так как чревата имперским национализмом, прямо противоположным подлинному патриотизму, который особенно в наше время должен быть открыт самым разным контактам и связан с миром при уважении к самобытности его частей... Русская культура — органическая и самобытная часть европейской. Европейская культура — гумус, общая почва, на которой выросли самые разные национальные и региональные культуры, а её разные корни по существу своему христианские и в то же время дохристианские, то есть еврейские и языческие, а также постхристианские, но не антихристианские, то есть светские. Они переплелись в течение двух тысяч лет существования христианства в его разных конфессиях. Европейская, и шире — западная, цивилизация при всех её светлых и тёмных сторонах сосуществует и сотрудничает с другими цивилизациями, преодолевая трагедии подобные той, что разразилась в прошлом столетии. И Россия оказалась, пожалуй, её главной жертвой и протагонистом» [Страда 2014]. Близость сказанного зарубежным знатоком России к культурно-философским интуициям её наиболее известных религиозных мыслителей, к их европейски-христианскому универсализму и однозначной трактовке ими коммунистического эксперимента как внутриевропейской религиозно-культурной катастрофы, здесь вполне очевидна.

Есть в статье профессора Стрельцова утверждения, вызывающие, в свой черёд, если не прямые возражения, то недоумение и вопросы. Прежде всего, это касается понимания калужским профессором задач философии в определении патриотического чувства и в деле его воспитания. Анатолий Степанович, по всей видимости, убеждён [Стрельцов 2014, с. 46], что русской национальной философии следует быть всего лишь *ненавязчивым отражением* русской народной души. Вся идейная активность, которая могла бы здесь быть предложена, редуцируется калужским профессором к чувствам «искренности» и «душевности». Этими позитивно-расплывчатыми эмоциями, а отнюдь не духовно-интеллектуальным трудом, как полагает профессор, должна определяться сегодня «патриотичность» новой русской интеллигенции. Но, даже если назвать подобный «психологизм» «метафизикой сердца» [Стрельцов 2014, с. 45], этого вряд ли будет достаточно для того, чтобы он сделался продуктивным инструментом социологического анализа. Между прочим, все русские философы, разрабатывавшие «метафизику сердца», начиная с П.Д.Юркевича и заканчивая И.А. Ильиным, были прежде всего философами академическими, воспитанными на образцах классической западной рациональности. И свой подход к русским проблемам они не заявляли отказом от рациональных процедур, хотя и могли, придерживаясь христианства, настаивать на их неполноте.

Кстати, Бердяев в «Вехах» отмечал ту особенность «наших интеллигентских идеологий», что «сама наука и научный дух не привились у нас, были восприняты не широкими массами интеллигенции, а лишь немногими» [Бердяев 1991, с. 20–21]. И отдельно он указывал на «традиционную вражду русской интеллигенции к философской работе мысли» [Бердяев 1991, с. 28]. Методология осмысления феномена патриотизма, набросанная пожеланиями профессора Стрельцова, провоцирует такое впечатление, что он хочет в несколько обновлённом виде продолжить эту некачественную традицию.

Но кажется, что, если новые патриотические интеллигенты признают за светское «священное писание» вместо истмата классику славянофильства, принципиальный отказ «понимать Россию умом» не даст сослужить русскому патриотизму

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

хорошую службу. Ведь если теперь мыслительная работа (в частности, в освоении нашего религиозно-философского наследия) опять сведётся к народническим декларациям, пусть и при перемене идеологического рефрена с интернационалистского на националистический, то формирование у нас национального самосознания, очевидно, только замедлится. Хотя не слишком рассудительного патриотического благодушия, вероятно, прибавится.

«Интеллигентское сознание требует радикальной реформы, и очистительный огонь философии призван сыграть в этом важном деле не малую роль» [Бердяев 1991, с. 29], — настаивал Бердяев, ниспровергая привременную «интеллигентскую правду». С тем большей настойчивостью, как мне кажется, стоит в наши дни обратиться к этой рекомендации (как и параллельную ей — «познакомиться с зачатками русской философии» [Бердяев 1991, с. 26]) разным патриотическим пропагандистам. Например, тем, которые всерьёз задаются вопросом: «Как соединить Ивана Ильина и Иосифа Сталина?» [Степанов 2012] — не гнушаясь такой «постановкой» даже на юбилейных торжествах в честь «русского мыслителя с поющим сердцем».

Наконец, в качестве важнейшего пункта своей философско-патриотической методологии профессор Стрельцов называет... отказ от сознательного, теоретически грамотного и профессионального исследования российского патриотизма [Стрельцов 2014, с. 55]. Остаётся лишь удивиться, что такая точка зрения высказана редактором празднующего выход уже не первого номера патриотического альманаха, призванного своими материалами помогать формированию национального самосознания. Но если этот отрицательный посыл калужского профессора вызывает чувство удивления, то его положительный посыл, высказываемый рядом, наводит на грустные мемории. Дело в том, что главной задачей изысканий в области патриотизма Анатолий Степанович видит разоблачение разного рода антипатриотических идей, приходящих главным образом извне (как нетрудно догадаться, прежде всего с Запада). Всё это очень напоминает концепцию работы марксистских идеологов СССР, считавших своей прямой задачей разоблачать «буржуазную» систему мысли как форму «ложного сознания» [Порус 2008, с. 434]. Окончательным же словом советской философии возглашалась при этом материалистическая диалектика. Над её подлинной сутью тоже рефлексировали только отдельные академические (и неакадемические) мыслители, но её общие положения всем насельникам Союза с сознательного возраста вменялось заучивать как мировоззренческую азбуку. В том числе и для того, чтобы не подпасть влиянию «враждебного», то есть опять же западного, «окружения».

Но, коли вдуматься, этот весьма своеобразный эпилог калужского профессора фактически требует по прочтении зачеркнуть эпиграф к его статье, взятый из Бердяева. Ведь если считать основной целью философии русского патриотизма отказ от философской рефлексии патриотического чувства и её замену специфическими процедурами идеологического отпора, то о достижении чаемых Бердяевым зрелых форм самосознания, преодолевших «детское» славянофильство и западничество, останется только мечтать.

И даже идейный задел марксизма-ленинизма в данном случае покажется перед лицом изначально лишаемого перспектив самоформления постсоветского патриотизма гораздо более устойчивым основанием, ибо то, что отстаивали марксистские начётчики, они всё-таки достаточно хорошо себе представляли. Мы же, отказавшись принципиально «теоретически грамотно» выявлять основы патриотической философии, будем просто не в состоянии осуществить по отношению к патриотизму ту «охранительную» функцию, которую полагает самой важной вещью профессор Стрельцов [Стрельцов 2014, с. 55], поскольку защищать в условиях мировоззренческой конфронтации успешно можно лишь идею ясную и продуманную. Мне хотелось бы надеяться, что моя статья, помещённая в сборник о патриотизме (как и все работы других уважаемых участников), не без оснований претендует способствовать такого рода уяснениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич. М.: Русский Мир, 2014. 512 с.
2. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. 830 с.
3. Бердяев Н.А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон+, 2004. 448 с.
4. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии) // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 4–162.
5. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 11–30.
6. В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.
7. Грановский В.В. Русская религиозная философия и патриотическая идеология: место не-встречи // Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 3. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 17–39.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. Кн. 2: Дневник писателя. М.: Астрель; АСТ, 2007. 523 с.

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)**

9. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
10. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ; Московский рабочий, 1993. 400 с.
11. Незеркотт Ф. Восприятие Платона в Советской России (1920 – 1960 гг.) // Логос. 2011. № 4. С. 158 – 169.
12. Нижников С.А. Интеллигенция и Россия // Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 3. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 3 – 17.
13. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Ессе Номо: Сборник. Минск: Попурри, 1997.а. 544 с.
14. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Весёлая наука; Злая мудрость: Сборник. Минск: Попурри, 1997.б. 704 с.
15. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский миръ; Московские учебники, 2005. 432 с.
16. Пивоваров Ю.С. Славянофил Ю.Ф. Самарин и его время // Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Литература и история. СПб.: Росток, 2013. С. 5 – 46.
17. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с.
18. Порус В.Н. Феномен «советской» философии // У края культуры (философские очерки). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008. С. 434 – 461.
19. Прилепин З. Россия давно покаялась // Аргументы и факты. 2014. 28 мая – 3 июня.
20. Русская доктрина (РД). Введение, часть 5. 2007.а. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rusdoctrina.ru/page95560.html>.
21. Русская доктрина (РД). Оглавление. 2007.б. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rusdoctrina.ru/page95507.html>.
22. Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Литература и история. СПб.: Росток, 2013. 528 с.
23. Святитель Николай Жичский. Служба – Житие – Житије. Осташков: Цветослов, 2013. 80 с.
24. Священник Александр Шумский. Александр Невский! Сталин! Достоевский! (О политической подоплёке спортивных состязаний) [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 2012. 19 июня. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/06/19/aleksandr_nevskij_stalin_dostoevskij/.
25. Сендеров В. После Европы // Посев. 2014. № 5. С. 2 – 4.
26. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Публицистика: В 3 т. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. С. 538 – 598.
27. Соловьёв В.С. Статьи из энциклопедического словаря: Леонтьев // Сочинения: В 2 т. 2-е изд. Т. 2 / Под общ. ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990. С. 414 – 419.
28. Степанов А. Вопрос о Сталине сегодня – это вопрос о смысле нашей истории [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 2013.а. 4 марта. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/03/04/anatolij_stepanov_vopros_o_staline_segodnya_eto_vopros_o_smysle_nashej_istorii/
29. Степанов А. Как соединить Ивана Ильина и Иосифа Сталина: Впечатления и размышления участника Ильинских торжеств в Екатеринбурге [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 2012. 22 июня. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/22/kak_soedinit_ivana_ilina_i_iosifa_stalina/
30. Степанов А. Царь-Мученик Николай Александрович и Иосиф Виссарионович Сталин: Исторические заметки о преемственности нашей истории. Часть 1 [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 2013.б. 14 марта. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/03/14/carmuchenik_nikolaj_aleksandrovich_i_iosif_vissarionovich_stalin/
31. Степанов А. Царь-Мученик Николай Александрович и Иосиф Виссарионович Сталин: Исторические заметки о преемственности нашей истории. Часть 2 [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 2013.в. 15 марта. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/03/15/carmuchenik_nikolaj_aleksandrovich_i_iosif_vissarionovich_stalin/
32. Страда В. Выступление на философском факультете Карлова университета в Праге [Электронный ресурс] // Белое дело. 2014. 21 октября. Режим доступа: http://beloedelo.ru/media/video_clip/?52
33. Стрельцов А.С. Об истоках русского патриотизма (ответ В.В. Грановскому) // Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 3. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 39 – 55.

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)**

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)**

34. Федотов Г.П. О национальном покаянии // Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6: Статьи из журналов «Новый град», «Современные записки», «Новая Россия». М.: Sam&Sam, 2013. С. 5–13.
35. Флоровский Г. Евразийский соблазн // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 311–343.
36. Хомяков А. С. Сочинения в 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М.: Московский философский фонд «Медиум»; Издательство «Медиум», 1994.а. 590 с.
37. Хомяков А. С. Сочинения в 2 т. Т. 2: Работы по богословию. М.: Московский философский фонд «Медиум»; Издательство «Медиум»; Журнал «Вопросы философии», 1994.б. 478 с.
38. Юлия Латынина в передаче Сергея Корзуна «Без дураков» [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 2014. 7 июня. Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/korzun/1333864-echo/#element-text>.
39. Юрий Пивоваров в программе «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» [Электронный ресурс] // Телеканал «Россия-1». 2014. 20 апреля. Режим доступа: <http://poedinokonline.net/voskresnyj-vecher-s-vladimirov-solovevym-20-04-2014/#more-32904>.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Грановский, В. В. Демократия, западничество и патриотизм в «оптике экзистенциального рассмотрения» (ответ профессору А.С. Стрельцову) [Электронный ресурс] / В.В. Грановский // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2014. — Т. 7. — Вып. 1. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast7-1.2014.93

**DEMOCRACY, PATRIOTISM AND WESTERNISM IN THE 'EXISTENTIAL VIEWS OPTIC'
(A RESPONSE TO PROFESSOR ANATOLY S. STRELTSOV)**

Victor V. Granovsky, Ph.D., Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Chair of Philosophy
E-mail: philosophus@rambler.ru

This article is a summarization and objection to a group of abstract, which Prof. A.S. Streltsov from Kaluga, who is also the editor of University periodical that touches on patriotic education, have addressed to the author. In response to the Professor, author analyses the impact of the democracy theories and of the concepts of Russian Westernism ('zapadnichestvo') on the Russian patriotism and its socio-philosophical interpretations. There is demonstrated in the article a close relationship between the westernism and the Slavophilism ('slavyanofilstvo') in the history of Russian thought. Although the author is not a fan of the West and not a straight supporter of typical forms of Western policy (but thinks his opponent), he studied the texts mainly early Slavophiles, dwells in the solid belief that Europeanism can be not only dangerous for Russian patriotism but also rewarding to it. The same, on author's opinion, can be said about democracy in the overall theoretical sense. In spite of his opponent, the author considers that the philosophy of Russian patriotism cannot be a mere reflection of Russian nature. Because philosophy must be the school of ideas and spirituality for the national character, author believes that Russian religious thought in this case is an excellent teacher.

Keywords: Slavophilism, Westernism (Europeanism), Christianity, democracy, patriotism, Russian religious philosophy.

References:

1. Aksakov K.S. *You Are Full of Ancient Glory, or Frantic Moscowite*. Moscow: Russky Mir Publisher, 2014. 512 p. (In Russian).
2. Aristotle. *Writings*. Moscow: Mysl Rublisher, 1984, vol. 4. 830 p. (In Russian).
3. Berdyaev N.A. "Philosophical Truth and the Intelligentsiya's Truth". *Vekhi*. Moscow: Pravda Publisher, 1991, pp. 11–30. (In Russian).
4. Berdyaev N.A. *Hazy Images: Types of Religious Thought in Russia*. Moscow: Canon + Publisher, 2004. 448 p. (In Russian).
5. Berdyaev N.A. *The Spirit Realm and the Realm of Caesar*. Moscow: Respublika Publisher, 1995. 383 p. (In Russian).

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)**

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

6. Dostoevsky F.M. "The Writer's Diary." *Collected Writings*. Мпщыщц: Astrel Publisher; AST Publisher, 2007, vol. 9, book 2. 523 p. (In Russian).
7. Fedotov G.P. *Collected Writings*. Moscow: Sam&Sam Publisher, 2013, vol. 6. 504 p. (In Russian).
8. Florovsky G. *The Russian Thought and Its Past*. Moscow: Agraf Publisher, 1998. 432 p. (In Russian).
9. Granovsky V.V. "Russian Religious Thought and Patriotic Ideology: A Place where They Cannot Meet." *Russian Philosophy and the Formation of Patriotic Identity of Russia*. Kaluga: K.E. Tsyolkovsky Kaluga State University Publisher. 2014, issue 3, pp. 17 – 39. (In Russian).
10. Khomyakov A.S. "Philosophical and Historical Writings." *Collected Writings*. Moscow: Medium Publisher, 1994, vol. 1. 590 p. (In Russian).
11. Khomyakov A.S. "Theological Writings." *Collected Writings*. Moscow: Medium Publisher, Journal "Problems of Philosophy" Publisher, 1994, vol. 2. 478 p. (In Russian).
12. Kireyevsky I.V. *Critical and Aesthetic Essays*. Moscow: Iskusstvo Publisher, 1979. 439 p. (In Russian).
13. Leontiev K.N. *Selected Writings*. Moscow: Rarog Publisher; Moskovsky Rabochi Publisher, 1993. 400 p. (In Russian).
14. Nethercott F. "Soviet Russia's Plato Perception (1920 – 1960)." *Logos* 4 (2011): 158 – 169. (In Russian).
15. Nietzsche F. *Beyond Good and Evil; Casus Wagner; The Antichrist; Ecce Homo*. Minsk: Popurri Publisher, 1997. 544 p. (In Russian).
16. Nietzsche F. *Human, Too Human; Fun Science; Wicked Wisdom*. Minsk: LLC Minsk: Popurri Publisher, 1997. 704 p. (In Russian).
17. Nizhnikov S.A. "Intelligentsia and Russia." *Russian Philosophy and the Formation of Patriotic Identity of Russia*. Kaluga: K.E. Tsyolkovsky Kaluga State University Publisher. 2014, issue 3, pp. 3 – 17. (In Russian).
18. Panarin A.S. *The Revanche of History: The Russian Strategic Initiative in the Twenty-First Century*. Moscow: Russky Mir Publisher; Moskovskie Uchebniki Publisher, 2005. 432 p. (In Russian).
19. Plato. *Writings*. Moscow: Mysl Publisher, 1994, vol. 3. 654 p. (In Russian).
20. Porus V.N. *At the Edge of Culture (Philosophical Essays)*. Moscow: Canon + Publisher; Reabilitatsiya Publisher, 2008. 464 p. (In Russian).
21. Prelate Nikolay of Zhicha. *Life*. Ostashkov: Tsvetoslav Publisher, 2013. 80 p. (In Russian).
22. Priest Alexander Shumsky. "Alexander Nevsky! Stalin! Dostoyevsky! (The Political Justification and Sports)." *Russian People Line*. 19 June 2012. Web. <http://ruskline.ru/analitika/2012/06/19/aleksandr_nevskij_stalin_dostoevskij/>. (In Russian).
23. Prilepin Z. "Russia Has Long Been Accepted." *Argumenty i Fakty [Arguments and Facts]* [Moscow]. 28 May – 3 June 2014. (In Russian).
24. Rozanov V.V., and K.N. Leontiev: *The Book "Literary Exiles", Which Was Not Released. Correspondence. Unpublished Texts. Articles about K.N. Leontiev. Commentary*. St. Petersburg: Rostok Publisher, 2014. 1182 p. (In Russian).
25. *Russian Doctrine (RD). Introduction. Part 5*. N.p., 2007. Web. <<http://www.rusdoctrina.ru/page95560.html>>. (In Russian).
26. *Russian Doctrine (RD). The Table of Contents*. N.p., 2007. Web. <<http://www.rusdoctrina.ru/page95507.html>>. (In Russian).
27. Samarin Yu.F. "Literature and History." *Collected Writings*. St. Petersburg: Rostok Publisher, 2013, vol. 1. 528 p. (In Russian).
28. Senderov V. "After Europe." *Posev* 5 (2014): 2 – 4. (In Russian).
29. Solovyev V.S. *Collected Writings*. Moscow: Mysl Publisher, 1990, vol. 2. 822 p. (In Russian).
30. Solzhenitsyn A.I. "Articles and Speeches." *Publicism*. Yaroslavl: Verkhne-Volzhskeye Knizhnoye Izdatel'stvo Publisher, 1995, vol. 1. 720 p. (In Russian).
31. Stepanov A. "Today the Question of Stalin Have a Question the Meaning of our History." *Russian People Line*. N.p., 4 March 2013. Web. <http://ruskline.ru/news_rl/2013/03/04/anatolij_stepanov_vopros_o_staline_segodnya_eto_vopros_o_smysle_nashej_istorii/>. (In Russian).
32. Stepanov A. "Tsar-Martyr Nikolay Aleksandrovich and Joseph Stalin: Also Notes about the Continuity of Our History. Part 1." *Russian People Line*. N.p., 14 March 2013. Web. <http://ruskline.ru/news_rl/2013/03/14/carmuchenik_nikolaj_aleksandrovich_i_iosif_vissarionovich_stalin/>. (In Russian).
33. Stepanov A. "Tsar-Martyr Nikolay Aleksandrovich and Joseph Stalin: Also Notes about the Continuity of Our history. Part 2." *Russian People Line*. N.p., 15 March 2013. Web. <http://ruskline.ru/news_rl/2013/03/15/carmuchenik_nikolaj_aleksandrovich_i_iosif_vissarionovich_stalin/> (In Russian).

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)**

34. Stepanov A. "What Does It Take to Ivan Ilyin and Joseph Stalin Might Reconcile: Impressions and Reflections Party Celebration in Honor of I.A. Ilyin, Which Take Place in Ekaterinburg." *Russian People Line*. N.p., 22 June 2012. Web. <http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/22/kak_soedinit_ivana_ilina_i_iosifa_stalina/>. (In Russian).
35. Strada V. "Speech at the Philosophical Faculty of Charles University in Prague." *White Affair*. N.p., 21 Oct. 2014. Web. <http://beloedelo.ru/media/video_clip/?52>. (In Russian).
36. Streltsov A.S. "The Origins of Russian Patriotism (Answer in Victor V. Granovsky)." *Russian Philosophy and the Formation of Patriotic Identity of Russia*. Kaluga: K.E. Tsyolkovsky Kaluga State University Publisher. 2014, issue 3, pp. 17–39. (In Russian).
37. "Yuliya Latynina at Sergey Korzun's Program 'Nobody's Fool'." *Echo of Moscow*. N.p., 7 June 2014. Web. <<http://www.echo.msk.ru/programs/korzun/1333864-echo/#element-text>>. (In Russian).
38. "Yuri Pivovarov at the Program 'Sunday Night with Vladimir Soloviev'." *TV Channel 'Russia-1'*. N.p., 20 Apr. 2014. Web. <<http://poedinokonline.net/voskresnyj-vecher-s-vladimirom-solovevym-20-04-2014/#more-32904>>. (In Russian).

Cite MLA 7:

Granovsky, V. V. "Democracy, Patriotism and Westernism in the 'Existential Views Optic' (A Response to Professor Anatoly S. Streltsov)." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]* 7.1 (2014). Web. <2227-9490e-apovr_e-ast7-1.2014.93>. (In Russian).

МНЕНИЕ

**ГРАНОВСКИЙ В.В. ДЕМОКРАТИЯ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И ПАТРИОТИЗМ В «ОПТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ»
(ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ А.С. СТРЕЛЬЦОВУ)**